

РУССКИЕ
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ
ТРАКТАТЫ
Том 2
Романтизм

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 18
ББК 87.8
P89

Авторы:

Якоб Людвиг Гейнрих Конрад, Вяземский Петр Андреевич, Одоевский Владимир Федорович, Веневитинов Дмитрий Владимирович, Галич Александр Иванович, Кроненберг Иван Яковлевич, Полевой Николай Алексеевич, Павлов Михаил Григорьевич, Средний-Камашев Иван Николаевич, Надеждин Николай Иванович, Шевырев Степан Петрович.

В оформлении обложки использована гравюра А. Мантеньи «Четыре музы», 1497 г.

P89 **Русские эстетические трактаты. В 2 т. Том 2. Романтизм.** / Л. Г. Якоб [и др.]. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 444 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-9916-9766-8 (т. 2)

ISBN 978-5-9916-9761-3

В первый том предлагаемого сборника включены работы русских эстетиков, представителей просветительского классицизма начала XIX в. — А. Мерзлякова, П. Георгиевского, В. Перевощикова, И. Войцеховича и др. Русские классицисты, опираясь на достижения западноевропейской эстетики (Баттё, Буало), дали своеобразную трактовку проблем «подражания», сущности искусства и других эстетических категорий.

Во втором томе представлены материалы, характеризующие развитие русской романтической эстетики (П. Вяземский, В. Одоевский, Д. Веневитинов, А. Галич и др.). Сочинения русских эстетиков и критиков раскрывают процесс поисков и формирования нравственно-эстетического идеала.

Для студентов высших учебных заведений и специалистов в области эстетики, русской литературы и философии.

УДК 18
ББК 87.8

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-9916-9766-8 (т. 2)
ISBN 978-5-9916-9761-3

© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

РОМАНТИЗМ

Л. Г. Якоб	7
Начертание эстетики, или Науки вкуса.....	7
П. А. Вяземский	72
О «Кавказском пленнике»	72
Вместо предисловия к «Бахчисарайскому фонтану».....	74
Письма из Парижа. 1826—1827. II	80
В. Ф. Одоевский	82
Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке.....	82
Сущее, или Существующее	94
Гномы XIX столетия	97
Из записной книжки.....	103
Примечание к статье Кюхельбекера.....	112
Секта идеалистико-элеатическая	114
Некоторые слова о «Мнемозине» самих издателей	114
«Об искусстве смотреть на художества по правилам Зульцера и Менгса», соч. Ф. Милиции.....	115
Д. В. Веневитинов	119
Анаксагор. Беседа Платона.....	119
Разбор статьи о «Евгении Онегине»	122
Разбор рассуждения Г. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии».....	124
Ответ Г. Полевому	126
О состоянии просвещения в России	127
А. И. Галич	131
Опыт науки изящного	131
Анонимные рецензии на книгу А. Галича	202
И. Я. Кронеберг	215
Афоризмы	215
Отрывки	220
Исторический взгляд на эстетику.....	223
Материалы для истории эстетики.....	231

Н. А. Полевой	262
[Рецензия на книгу А. Галича «Опыт науки изящного»]	262
О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах	280
«Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина	285
М. Г. Павлов	289
Различие между изящными искусствами и науками	289
И. Н. Средний-Камашев	294
О различных мнениях об изящном	294
Несколько замечаний на рассуждение Г. Надеждина «О происхождении, свойствах и судьбе поэзии так называемой романтической»	335
Н. И. Надеждин	343
О современном направлении изящных искусств	343
Лекции по археологии	385
Лекции по теории изящных искусств	404
С. П. Шевырев	434
Разговор о возможности найти единый закон для изящного	434
Новые издания по дисциплине «Эстетика» и смежным дисциплинам	444

РОМАНТИЗМ

Л. Г. ЯКОБ

НАЧЕРТАНИЕ ЭСТЕТИКИ,
ИЛИ НАУКИ ВКУСА

ВВЕДЕНИЕ

ПОНЯТИЕ И ЛИТЕРАТУРА ЭСТЕТИКИ

§ 1. Эстетика есть наука, содержащая в себе начала чувствований и суждений касательно *изящного* и *высокого*.

§ 2. Способность эстетических суждений называется *вкусом*. Эстетика раздробляет сию способность и исследует свойства предметов оной.

§ 3. Предметы вкуса бывают частью произведения природы, частью произведения искусства. Для этого эстетику можно разделить на три части, из коих первая разбирает всеобщие начала эстетических суждений, вторая — эстетическую природу, а третья — эстетические искусства.

§ 4. Аристотель первый отважился привести правила изящного в систематический порядок, хотя, впрочем, ограничился одним только родом изящного, то есть изяществом слова. После него долго и не думали о том, как бы утвердить полное умозрение изящного. Наконец, Баттё во Франции, Юм и Блер в Англии, Баумгартен, Мейер, Зулцер и Эберхард в Германии снова отважились сообщить правилам изящного систематическую форму.

§ 5. Преобразователь философии г. Кант и эстетике дал другую цену и указал другое место в области наук,

нежели в каком-то ее доселе поставляли, и по его мыслям написано много руководств к эстетике в Германии, как-вы: Гейденрайхово, Снелево, Бендавидово и другие.

§ 6. Отличнейшими сочинениями касательно сей науки можно полагать следующие:

- 1) Alex. Baumgarten, *Ästhetik*, 1750—1758;
- 2) Batteux, *Cours de belles-lettres ou Principes de la littérature*, Paris, 1746—1748;
- 3) «*Elements of Criticism*», London, 1785, 2 тома Генриха Хоума;
- 4) «*Theorie der schönen Wissenschaften*» von Eberhard, Halle, 3-е издание, 1789;
- 5) «*Entwurf einer Theorie und Literature der schönen Wissenschaften*» von Eschenburg, Berlin, 1789;
- 6) «*Kritik der Urteilskraft*» von Immanuel Kant, Berlin, 1790;
- 7) Sulzer, *Allgemeine Theorie der schönen Künste*, Leipzig, 1794;
- 8) «*Handbuch der Ästhetik*» von Ioh. Aug. Eberhard, Bd 1—9, Halle, 1803;
- 9) Fr. Bouterwek, *Ästhetik*, две части, Leipzig, 1806.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭСТЕТИКА

О ВСЕОБЩИХ НАЧАЛАХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О СВОЙСТВАХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ

§ 7. Мы определяем предметы при всех наших суждениях или токмо по впечатлениям их на нас и по переменам, ими в нас производимым, или по качествам, которые, будучи сами по себе рассматриваемы, свойственны им

как предметам. Первые можно бы назвать суждениями чувствования, или чувства, а последние — суждениями познавательной силы.

§ 8. Суждения познавательной силы определяют или внутреннюю природу предметов и их взаимные отношения, или их отношение ко внутренней либо внешней цели. Поскольку предмет бывает только один, то и суждения познавательной силы, чтобы быть истинными в различных людях, должны согласоваться между собою, ибо два либо многие различные, друг с другом противоречащие познавательные суждения об одном и том же предмете — невозможны. (См. Логика *.)

§ 9. Что же касается до суждений чувствования, то предметы могут быть различно определяемы, потому что чувствующие существа различны и одна и та же вещь в различных подлежащих может произвести разные чувствования.

§ 10. Впрочем, в суждениях чувства может быть следующее достопримечательное различие:

- 1) некоторые предметы определяются непосредственным впечатлением предметов на органы;
- 2) иногда же деятельность познавательных сил или сила созерцания рождает чувствование либо чувство.

§ 11. Суждения первого рода (§ 10) лишь постольку бывают сходны между собой, поскольку образование органов одинаково, и сие сходство есть случайное; суждения же другого рода должны быть согласны между собою, коль скоро только познавательные силы достигли одинаковой степени совершенства. Ибо человеческие познавательные силы следуют одинаковым законам, и потому, ежели они находятся на одинаковой степени совершенства, то при одинаковых обстоятельствах и предметах оказываются одинаковыми, а следственно, и одинаковые испытывают действия. Для того, по нашему мнению, предмет, нравящийся одной образованной познавательной силе, так что доставляет пищу к деятельности, каждому должен нра-

* Здесь и далее имеется в виду «Курс философии для гимназий Российской империи», чч. I—IV, Спб., 1811—1817.

виться, кто только достиг одинаковой образованности познавательной способности.

§ 12. Токмо последнего рода суждения чувства могут называться эстетическими суждениями и способность таковых суждений именуется вкусом. Следственно, вкус не есть чувственный, но разумный. Для такового вкуса, а не для чувственного, есть всеобщие правила, почерпнутые из его природы.

Примечание. Для того, если кто-либо не чувствует или не хочет признать действительно изящного, мы говорим: он не имеет вкуса, то есть ему недостает некоторой степени эстетической способности судить, которая необходимо нужна, чтобы прямо постигнуть изящное и тем возбудить чувство изящного.

§ 13. Предмет, нравящийся нам только рассматриванием его формы и образа, есть предмет прекрасный, а дурной есть тот, который нам тем самым не нравится.

§ 14. Эстетическое чувство благоугодия и неблагоугодия различается (Психология, § 171):

- 1) от телесных тем, что оно последует не без содействия воображения и разума, то есть не без размышления;
- 2) от прочих душевных чувств тем, что оно не последует, подобно им, за уразумением природы предмета, но никакого понятия не предполагает о предмете.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОДРОБНЕЙШИЙ РАЗБОР БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЯ В ИЗЯЩНОМ

ИЗЛОЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОБ ИЗЯЩНОМ

§ 15. Изящного и дурного не надобно смешивать:

- 1) ни с чувственно-приятным или неприятным;
- 2) ни с полезным и вредным;
- 3) ни с совершенным и несовершенным;
- 4) ни с нравственно добрым и худым.

Все сии понятия касаются материи предметов, состоит ли она из внутренних их качеств или из соотношений. Последние три рода чувств зависят от уразумения предметов.

§ 16. Но красота состоит в одном форменном качестве предметов или в том образе и способе, каковым их многообразное расположено друг подле друга.

§ 17. Однако ж прекрасное или дурное никогда не может быть представлено без материи; таким образом, если материя бездейственна в отношении к чувству, то красота или дурнота бывает чистою; если же материя производит и сама некоторое чувство, соединяющееся с чувством изящного или дурного, то красота или дурнота бывает смешанная.

Объяснение. В черчении или гравировке оказывается чистая красота; на картинах или в игре на флейте — смешанная. Ибо на картинах нравится не только форма (черчение), но и материя (краски); в игре на флейте не только композиция, но и приятность тона, принадлежащего к материальному.

§ 18. Далее, некоторые вещи почитаются изящными без всякого уразумения или понятия об их цели или природе: красота других вещей случается также и с понятием об их природе и чрез сие понятие определяется. Первую можно назвать свободною, последнюю ограниченною красотою.

Объяснение. Цветы, арабески и другие вычуры нравятся нам, хотя мы и не знаем, что это такое и какую они имеют цель. Человеческий образ, театры, храмы могут только тогда нравиться, когда их обличие согласуется с их целью или с нашим о них понятием.

О ВКУСЕ, ИЛИ О ПРИЧИНАХ, В ПОДЛЕЖАЩЕМ НАХОДЯЩИХСЯ,
ПОЧЕМУ НАМ НРАВИТСЯ ИЗЯЩНОЕ

§ 19. Ни одно живое существо без разума не чувствует благорасположения к изящному, да и развивается благорасположение к изящному в человеке не прежде, как с развитием разума. Следственно, разум должен составлять существенную и постоянную часть вкуса.

§ 20. Но разум без воображения не может представлять себе никаких предметов, а следственно, и прекрас-

ного, и поскольку воображение все свои представления получает от чувств, а сии вообще представляют первоначально все разнообразное, то выходит, что вкус есть способность, составленная из чувств, воображения и разума.

§ 21. Однако ж из пяти чувств только два могут представлять изящное, то есть глаз и ухо. Обоняние и вкус не представляют никаких предметов, а осязание так тесно представляет предметы и так мало разнообразного, что тут совсем нечего прибавить воображению.

§ 22. Как чувства, так воображение и разум при представлении предметов следуют известным законам. Их совокупная цель есть представлять себе вещи ясно и определенно. За сим, если части предметов расположены так, что занятие познавательных сил, стремящихся чрез то к своей цели, таким образом облегчается, то оттуда родится эстетическое благорасположение; самый же предмет называется изящным, когда его форма нравится.

§ 23. Деятельность познавательных сил особливо тогда родит благорасположение, когда она прямо идет своим путем без всякого утомительного напряжения. Сие бывает тогда, когда силы занимаются только играючи, то есть без всякой важной цели, принуждающей их терпеть и напрягаться, доколе начатие окончится, чрез что деятельность превратилась бы в работу.

§ 24. Итак, благорасположение к изящному происходит из игры представляющих сил, причиняемой каким-либо предметом, который для того и называется изящным, что его форма надолго может занять познавательные силы играючи, равно как другой предмет, формою своею затрудняющий игру познавательных сил, именуется дурным.

§ 25. И для того вкус состоит в проворстве сообщать познавательным силам легкую гармоническую деятельность по законам, на них основанным.

§ 26. Но сие проворство познавательные силы получают только упражнением. Для того вкус требует образованности, которую он приобретает посредством наглядности многих дознанных и истинных красот и упражняясь в раз-

боре оных. Однако ж надобно предположить, что познавательные силы уже развились касательно различных предметов.

§ 27. Из сих примечаний объясняются следующие явления:

1) что грубые, необразованные люди занимаются только необходимыми своими потребностями, мало или никакого не имеют вкуса;

2) что красоты, для постижения коих требуется много размышления, не столь многими чувствуются, как те, для представления коих потребны только чувства и воображение и несколько разума.

§ 28. Но поскольку с чувствами вкуса могут быть сопряжены вместе и другого рода чувства, для того от вкуса особливо также требуется, чтобы он различал эти чувства с точностью и предметы почитал прекрасными или дурными только ради эстетических чувств, ими причиненных.

§ 29. И для того вкус бывает ложный и неистинный:

1) когда он почитает предметы изящными ради другого какого-либо чувствования, а не ради эстетических чувств, которые причинены рассматриванием формы предметов;

2) когда он испорчен искусством, и именно упражнением в ложных и неистинных красотах, ибо деятельности сил можно сообщить неестественную привычку и направление.

§ 30. Правила, излагающие признаки истинно изящного и подлинно естественного вкуса, называются правилами критики вкуса, ибо вкус по ним испытывается. Цель сего сочинения есть раскрыть оные правила.

§ 31. Правила деятельности эстетических чувств (§ 21) суть следующие:

1) впечатления не должны действовать на чувства неприятно;

2) каждая часть впечатлений, одна за другою последующих, должна быть единообразная и чистая;

3) разнообразное должно быть расположено по правилу.

§ 32. Воображение требует, чтобы разнообразное в чувственных предметах расположено было по одному главно-

му правилу, которое облегчает соединение одного в одно представление или в одно целое.

§ 33. Разум требует, чтобы признаки легко были различаемы и как понятия постигаемы или соединяемы и чтобы многие понятия и размышления возбуждаемы были чувственным изложением и рассудком удобно мыслимы.

§ 34. Для того эстетическое благорасположение можно возбудить то посредством чувств, то посредством воображения, то посредством разума. Чувства могут возбудить к деятельности воображение и разум, или разум посредством своих понятий может подвинуть к той же деятельности воображение, заставляя оное родить картины, различные его понятиям.

§ 35. Поскольку эстетическое благорасположение к изящному вытекает из деятельности познавательных сил, то следует, что предметы тем продолжительнее будут нравиться, чем долее удерживают познавательные силы в легкой гармонической деятельности. Для того, чем более прекрасный предмет возбуждает понятий и чем более сии возбуждают прекрасных мечтаний, тем продолжительнее эстетическое благорасположение. Но чем они менее деятельности доставляют познавательным силам, чем менее деятельность продолжается, тем менее бывает в том эстетического благорасположения и тем скорее оно проходит.

§ 36. Хотя мы и заметили, что чувство, возбуждаемое содержанием или материею представлений, не есть эстетическое чувство, однако первое может с последним соединяться и то усиливать, то ослаблять оное.

§ 37. И именно нет прекрасной формы без материи. Таким образом, если представление материи вызывает также познавательные силы на деятельность, то сия тем еще более усиливается и облегчается. И для того эстетические чувства изящного весьма можно усилить посредством содержания изящных представлений.

§ 38. Сие может случиться:

1) когда прекрасный предмет вместе и своею материею приятное впечатление на чувства делает или обещает чув-

ственным их наклонностям. Таковые приятные впечатления называются прелестями и, поскольку они соединяются с изящным, эстетическими прелестями;

2) когда он посредством нравственных понятий возбуждает страсти. Таковые страсти называются трогательностью;

3) когда он побуждает волю к принятию участия. Таковое участие воли в каком-либо предмете называется занятием (*intérêt*), и предмет, возбуждающий всеобщее участие, называется занимательным (*intéressant*);

4) если прекрасный предмет нравится своим чрезвычайным величием. Как прелестное, трогательное, занимательное и великое можно соединять с изящным и употреблять к усилению действия оного, то преимущественно должна показывать эстетика.

Объяснение. Живой ослепительный цвет тела, занимательное остроумие принадлежат к прелестям прекрасной особы; несчастные приключения или простосердечие той особы причиняют трогательность. Что сия особа принадлежит к знатному дому, играет лицо государя и проч., то делает ее занимательною. Если же она к тому обнаруживает высокий характер, то нравится нравственным своим величием.

ОБ ИЗЯЩНОМ (ПРЕКРАСНОМ),
ИЛИ О ПРИЧИНАХ ЭСТЕТИЧЕСКОГО БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЯ,
НАХОДЯЩИХСЯ В САМИХ ПРЕДМЕТАХ

§ 39. От прекрасного предмета требуется:

1) чтобы в нем находилось разнообразие представлений;

2) чтобы сие разнообразное соединялось в одно целое;

3) чтобы как разнообразное, так и единство оного легко постигаемы были чувствами и воображением и чтобы из того могло составиться одно понятие; следственно, чтоб предмет расположен был сообразно законам познавательных сил.

Объяснение. Ни математическая точка, ни хаос не могут быть прекрасны.

§ 40. Итак, изящное может состоять то в расположении современных частей, в одном целом размещенных, то в перемене и разнообразии многих, один за другим последующих предметов, то в разнообразии чувственно представ-

ленных понятий, в чем глаз, ухо, воображение и разум находят занятие, их законам соразмерное.

§ 41. Для того в сем разнообразном должно всегда первенствовать известное правило, чрез что разнообразное становится согласным с познавательными силами.

§ 42. Для того красота есть только форменное качество предметов. Она состоит в форме, гармоническую деятельность познавательных сил возбуждающей. И для того:

1) предметы видения, чтобы быть прекрасными, должны представлять глазу такое разнообразное, которое он, сообразно законам видения, легко может объять как одну картину, свободную от всяких неприятных впечатлений;

2) прекрасные предметы слуха равномерно должны облегчать слуху постижение особенных частей и соединение оных в одно целое. Оба должны возбуждать воображение и подвигать к надлежащей игре деятельности;

3) прекрасные предметы воображения суть чувственные картины, которые занимают воображение своим поразительным разнообразием и возбуждают множество соприкосновенных представлений, доставляющих игру познавательным силам;

4) понятия делаются прекрасными, когда они будут облечены в чувственные картины, освещают разнообразием соприкосновенных представлений, и таким образом воображение возбуждается к надлежащей игре, в которой оно делает понятие тем яснее и живее.

§ 43. Итак, красота состоит в одном только форменном надлежащем соотношении предмета к познавательной способности, то есть в такой чувственной форме предметов, посредством которой разнообразное так соединяется в одно целое, что познавательные силы чрез то наиудобнейшим образом приводятся в гармоническую деятельность.

§ 44. Потому, чтобы найти предмет прекрасным, совсем не нужно понятие о том, что должен предмет представить или какую он имеет цель и назначение, хотя, впрочем, может статься и то, что форма предмета и в сем также отношении бывает сличаема.

§ 45. На сем различии основывается понятие свободной и ограниченной красоты (§ 18).

§ 46. Ограниченная красота не только не должна содержать ничего такого, что противоречит понятию вещи, но она должна еще представить его прекрасным, так чтобы понятие вещи не только было мыслимо, но и по всем ее составным частям эстетически чувствуемо.

§ 47. Свободная красота излагает только понятие форменной сообразности с целью для познавательных сил вообще, то есть форму, возбуждающую деятельность оных; ограниченная красота представляет сию форму в согласии с определенным понятием.

Объяснение. Для того красота храма различна от красоты театра. Красота платья, мебели и проч. всегда определяется сообразно с целью.

§ 48. Красота бывает простая, когда она состоит из единообразного многообразия; сложная, когда она содержит в себе разнообразное многообразие.

§ 49. Изложение целого, представляющего какое-либо понятие с величайшим эстетическим совершенством, называется *эстетическим идеалом*.

§ 50. Нельзя представить себе идеальной какую-либо свободную красоту, но только ограниченную (§ 45), и последняя бывает собственно идеальной только в отношении к таким предметам, которые сами в себе имеют твердую свою цель, посредством чего природа определена неизменно.

§ 51. Для того особенно из человеческого образа воображение может составить себе идеал, гармонически соединяя в одну картину все, что только природа являет прекрасного в людях порознь.

§ 52. Для такого идеала требуется: 1) эстетический образец, творимый воображением, представляющим себе наилучшее человеческое обличие. Сие обличие выбирается по частям из всех прекрасных человеческих обличий, опытом доставляемых, и образует гармонически наилучшее обличие;

2) сей образец должен вместе изящно выразить понятие цели, в человеке находящейся. Сие внутреннее назначение человека нравственного рода, и потому все идеалы должны быть также эстетическими выражениями нравственных совершенств.

§ 53. Но поскольку есть различные совершенства, то могут быть и различные идеалы, хотя, впрочем, можно себе представить наивысочайший эстетический идеал, то есть такой, который наивысочайшую нравственную красоту представляет с наивеличайшею красотою.

§ 54. По сходству идеала человеческого обличия можно себе вообразить, сколько можно, величайшее совершенство каждой вещи, коль скоро ее понятие однажды навсегда определено, и понятие высочайшего эстетического совершенства каждой вещи в своем роде, представленное в образе, воображением начертанном, можно назвать образцом ее, или идеалом.

§ 55. Идеалы существуют только в воображении и могут всегда усовершенствоваться. По ним можно судить о красоте предметов, принадлежащих к тому роду, коего идеал начертан.

§ 56. Чем более предмет удаляется от своего идеала, тем менее он прекрасен, и хотя приметна в нем образцовая фигура, но части нарушают правила оной и им противоречат. В таком случае рождается *кариатура, безобразная фигура*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О СРЕДСТВАХ ВОЗВЫШАТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОЕ БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЕ

О ПРЕЛЕСТЯХ

§ 57. То, что делает сильное впечатление на чувства, называется прелестью, и поскольку это впечатление приятно или по крайней мере обещает скорую приятность, так что

чувство оного может быть соединено с эстетическим благо-расположением, то бывает эстетическая прелесть.

§ 58. Только такие прелести суть эстетические, которые возбуждают всеобщее удовольствие или всеобще приятны; прелести, поражающие только ради некоторых особенных качеств или отношений, не могут быть причислены к эстетическим прелестям, потому что они не всеобще возвышают эстетическое удовольствие.

Объяснение. Так, например, приятное, рождающееся в голодном человеке при виде пищи, не есть эстетическая прелесть.

§ 59. Прекрасные предметы могут быть прелестны следующим образом:

- 1) посредством качества материи, действующего на чувства, — прелести чувств;
- 2) посредством связи прекрасных предметов с чувственными наклонностями — прелести воображения посредством внутреннего чувства;
- 3) посредством отношений предметов к представительным силам, которые усиливают обыкновенные впечатления.

§ 60. Эстетические прелести чувств (§ 59) не могут быть другие, кроме таковых, которые производятся посредством эстетических чувств (§ 21). Прелести грубейших чувств отнюдь не надо смешивать с изящным, хотя они часто имеют влияние на суждение об изящном.

§ 61. Прелести для глаз суть цвета, особливо простые и чистые, так, как их показывает радуга; для слуха — качество тонов. Обе сообщают прекрасному жизнь и прелесть.

§ 62. Прелести воображения суть все представления, имеющие связь с естественными суждениями и нудящие воображение разрисовывать предметы, принадлежащие сим побуждениям, как-то:

- 1) представления, имеющие связь, хотя только отдаленно, с врожденным побуждением одного пола к другому;
- 2) все потаенное, таинственное, скрытое, загадочно намекаемое и относящееся к какому-либо естественному побуждению (Психология, § 224).

§ 63. Прелести, заключающиеся в одних отношениях предметов к представительным силам, суть следующие:

- 1) новизна и редкость вещей;
- 2) неожиданное;
- 3) перемена;
- 4) противоположность (contrast) и противоречие.

§ 64. Эти отношения оживляют представления, а потому и эстетическому благорасположению сообщают высшую степень крепости, так как ежедневное, обыкновенное, известное, единообразное и слишком гармоническое ослабляют оные.

§ 65. К перемене принадлежит и движение, без коего ничто прекрасное не может нравиться постоянно. Все единообразное и одинаковое становится в тягость представительным силам. Для того жизнь (живость), будь она действительная или воображаемая, так необходима для изящного.

§ 66. Смешное есть не что иное, как действие примеченной противоположности и противоречия представлений, как негде* показано (Психология, § 177). Удовольствие, оттуда проистекающее, не есть эстетическое, но в превосходной степени может быть соединено с чувством изящного. Смешное можно почтить только прелестным средством для эстетического чувства.

§ 67. Прелести действуют на чувство изящного двояко: 1) возвышая познавательные силы, следственно, облегчая их деятельность и охоту к деятельности в них увеличивая, чрез что эстетическое чувство становится истинно сильнее; 2) прилагая новое чувство к эстетическому и чрез то усиливая оное. Чувства сии, лишь бы только не были своекорыстного рода (Психология, § 180), без вреда могут быть соединены с эстетическими чувствами прекрасного.

§ 68. Прелести становятся только тогда вредными эстетическому чувству, когда они так сильны или когда их так много, что они одни или преимущественно занимают душу и, следственно, лишают свободы игру познавательных сил. И потому всякое излишество прелестей портит красоту.

* То есть где-то, в каком-то месте.

О ТРОГАТЕЛЬНОМ

§ 69. Трогательность состоит в таком расположении духа, в котором владычествуют страсти, возбужденные нравственными представлениями, и представления, таковые страсти возбуждающие, называются трогательными.

§ 70. Сии страсти могут быть:

- 1) веселые, какова радость, любовь, благодарность и проч.;
- 2) печальные, каково уныние, раскаяние, сострадание и проч.;
- 3) смешанные, каково изумление, страх, ужас и проч.

§ 71. Трогательность называется эстетическою, коль скоро она служит к тому, чтобы еще более оживить изложение изящного и, следовательно, умножить эстетическое удовольствие; и потому эстетическая трогательность никогда не должна быть так сильною, чтобы воспрепятствовать действию вкуса, и самое трогательное должно быть изложено изящно.

§ 72. Что все страсти (и самые печальные) приятно чувствуются, коль скоро они только достигли известной степени и возбуждены только для игры, что уже негде (Психология, § 218) показано. Если они возбуждаются и поддерживаются нравственными понятиями, то сии с помощью их живо представляются, и чувствуются, и манят побыть с ними долее. Для того занимательнейшая красота есть нравственно трогательная. Напротив, все те красоты скоро возбуждают скуку, в которых не видно ничего нравственного, и не нравственное изящное возбуждает отвращение, если оно не употребляется разве как средство к большему еще освещению нравственного.

§ 73. Сии умозрения трогательного можно испытать многими примерами. Таким образом, могут быть выставлены трогательными явлениями:

- 1) взгляд на природу, коль скоро она обнаруживает нравственное стремление или нравственного виновника;
- 2) явления обратного соединения, или разлуки любимых особ;
- 3) великодушие, благоволение к несчастным, благородный поступок с своими неприятелями и проч.;

4) чужое несчастье, особенно если воля несчастных представлена добром;

5) раскаяние в нравственном существе на пути исправления;

6) всякая борьба должности с склонностью;

7) всякое нечаянное или внезапное согласие счастья с нравственными нашими желаниями;

8) всякое обнаружение восторга и страсти, коль скоро осуществляет нравственные свои намерения на преодоление препятствий.

§ 74. Трогательность можно разделить на действительную и страдательную, смотря по тому, как она состоит в страждущей или действующей страсти (Психология, § 213). Состояние действительной трогательности называется *pathos*, патетическою красотою, и самая трогательность патетическою, так, как страдательную трогательность можно назвать нежною трогательностью.

О ЗАНИМАТЕЛЬНОМ

§ 75. Мы принимаем в предмете участие, если делаем его предметом наших склонностей и желаний. Участвовать (Нравоучение, § 5) в предмете — значит заниматься оным. Сие занятие бывает или единственное, или всеобщее, смотря по тому, возбуждает ли оно желания одного кого-либо или каждого, предмет рассматривающего. То, что возбуждает всеобщее занятие, называется занимательным.

§ 76. Все предметы, от которых мы ожидаем удовлетворения страстям нашим, возбуждают занимательность; но то, что возбуждает всеобщую занимательность, имеет эстетическую занимательность и занимательно. Ибо изящное есть предмет всеобщего благорасположения, а для того и чувства, служащие к усилению чувства изящного, должны быть всеобщими занимательными чувствами.

§ 77. Для того эстетическая занимательность бывает или умственная, или нравственная. Ибо только склонность к удовлетворению и расширению познавательных сил, равно как нравственные побуждения, несвоекорыстны и для того допускают всеобщее стремление и гармонические желания. В первом отношении поучительное, таинственное, мрачное, скрытное и также изящное, само в себе рассматриваемое, занимательно; равно как и осуществление всякой

важной нравственной цели, коль скоро оно изложено наглядным образом, доставляет нравственную занимательность.

§ 78. Всякое трогательное занимательно, хотя не всякое занимательное трогательно.

О ВЕЛИКОМ

§ 79. Мы приписываем всем вещам, составленным из многих однородных частей, величину (*quantitas*). Но мы называем то великим, что имеет бóльшую величину, нежели какая-либо другая вещь. И потому великое есть только относительное понятие и стоит напротив малого. Великое есть то, в чем содержится величина малого.

§ 80. Итак, понятия великого предполагают величину, которая употребляется как мера. Чем сама она мера больше и чем многочисленнее она содержится в другой величине, тем сия больше.

Примечание. Человек 7 футов велик потому, что он превышает нашу меру; башня такой величины была бы очень мала.

§ 81. Величину какой-либо вещи можно сравнивать или с обыкновенною величиною вещей того рода, или с величиною других вещей. Вещь, в сравнении с обыкновенными вещами того рода великая или малая, называется относительно великою или малою. Но что в сравнении с другими вещами велико или мало, то называется в самом себе либо совершенно великим, либо малым.

§ 82. Понятия великий или малый могут относиться ко всем предметам без различия. Следственно, можно как о чувственных, так и о нечувственных вещах, о силах, качествах, свойствах и проч. спросить: велики ли они или малы?

§ 83. Если содержание предмета и совсем неизвестно, то все же одно обстоятельство, что он велик, делает приятное впечатление, потому что великое дает познавательным силам более занятие, нежели малое.

§ 84. По сей причине великое изящное нравится нам более, нежели малое изящное; но не всякое великое изящно.

Напротив, предметы, требующие для своего назначения определенной величины, имеют высочайшую точку величины, которой они не должны преступать, чтоб не уничтожить своего понятия. Предмет, уничтожающий своею величиною понятие того, чем он должен быть, называется чудовищем.

§ 85. Относительно великое нравится также необыкновенным и чрезвычайным, равно как по той же причине нередко может нравиться относительно малое; изящное малое называется милым.

§ 86. Великое, коль скоро оно чрезвычайно и редко, возбуждает вместе изумление и уважение, равно как малое родит презрение. Великое в нравственном оказывается, когда воля преодолевает великие препятствия, понятием о добром; великое нравственное доброхотнее, или, что все то же, вообще добродетель, представленная великою, называется благородным. Великое, сопряженное с украшением и прикрасами, называется пышным, великолепным.

§ 87. Хотя великое само в себе делает приятное впечатление и прямо чрез то усиливает приятное, изящное и доброе, однако все принимает несобственную природу, коль скоро оно сопряжено с предметами, возбуждающими неудовольствие, неприятность, и как служит к увеличению неудовольствия, так и усиливает благорасположение. Для того неприятное, дурное и злое тем сильнее не нравится, чем оно больше, ибо нехотение тем в большей только мере оказывается и тем долее чувствуется.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДРОБНЕЙШИЙ РАЗБОР БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЯ К ВЫСОКОМУ

ПОНЯТИЕ О ВЫСОКОМ

§ 88. Высокое сходствует с изящным в том, что оно, равно как и сие:

- 1) совсем различно от чувственно приятного, изящного и нравственно доброго;
- 2) что оно не предполагает никакого уразумения содержания или цели предмета;
- 3) что суждения о высоком равно носят на себе вид всеобще годных суждений;
- 4) что высокое, равно как и изящное, состоит в одном только отношении к познавательным нашим силам.

§ 89. И наоборот, высокое отличается от изящного тем, что:

- 1) не имеет, как сие, надлежащей формы для познавательных сил, которые из оной образуют целое. Изящное всегда ограничено; высокое тем возвышеннее, чем беспредельнее предмет представляется;
- 2) высокое есть всегда нечто великое и особенно нравится своим величием и представлениями, чрез то возбужденными, тогда как изящное более нравится своим форменным качеством;
- 3) в чувство высокого всегда примешивается нечто дрогательное. Страх или ужас составляет главную часть высокого; напротив, чувство изящного есть чистое удовольствие, и если также и печальные представления с ним соединяются, то сии все не составляют самого изящного.

§ 90. Но суждения о высоком суть истинно эстетические суждения. Ибо чувство, посредством предметов возбужденное, есть причина, для чего мы называем их высокими.

§ 91. Высокое есть предмет, посредством которого мы чувствуем в себе такие силы или способности, которые более всего того, что нам предлагают чувства.

О НАХОДЯЩИХСЯ В САМОМ ПОДЛЕЖАЩЕМ
ПРИЧИНАХ БЛАГОРАСПОЛОЖЕНИЯ К ВЫСОКОМУ

§ 92. Когда представляется чувствам нашим предмет, кажащийся им так великим, что самое воображение не в силах совершенно объять одного, то сей предмет возбуждает понятие неограниченного, безусловного (*absolutum*), бесконечного и вместе представляет опыт сообщить оным понятиям чувственную картину.

§ 93. Оные понятия сами в себе пусты, содержат только отрицательные признаки и исключая все чувственное. Но воображение, показывая нам таковые, для него необъятные предметы, дает нам живо чувствовать силу и объем тех умственных понятий, тогда как столь великие беспредельные предметы не составляют малейшей части того, на что намекают те понятия. Следственно, посредством чувственно беспредельного мы получаем живое сознание содержания тех понятий, и сие сознание сопряжено с удовольствием, которое мы называем чувством высокого.

§ 94. Посредством высокого:

1) чувства и воображение приводятся в деятельность, получая материю к занятию, и чрез сие уже рождается благорасположение;

2) но великое, составляющее то, что мы называем высоким, для чувств и воображения беспредельно и не может быть ими постигнуто как целое, ибо оно для них слишком велико. Для того разум находит несообразным с целью представить сей предмет в виде понятия, доставляемого опытом. Сие возбуждает некоторое содрогание пред столь великим представлением;

3) при всем том возбуждает таковой предмет, не находящийся в опыте никакого образа, понятия сверхчувственного, для коих чувственно великое и неизмеримое не предлагает никакого совершенно соразмерного предмета, но все по крайней мере некоторым образом дает почувствовать обширность и возвышенность тех понятий, и сие чувство есть источник продолжительного удовольствия.

§ 95. Итак, чувство высокого есть эстетическое чувство смешанного рода, составленное из удовольствия и неудовольствия, однако так, что удовольствие превозмогает и неудовольствие служит только к тому, чтоб тем занимательнее и привлекательнее сделать удовольствие.

§ 96. Но чувство высокого не проистекает, как благо-расположение к изящному, из созерцания формы, а частью из сил, высоким предметом в игру приведенных, частью из пробужденных чрез то умственных понятий о вещах сверхчувственных.

§ 97. Чувство высокого всегда бывает важного рода и для того не допускает примеси удовольствия, которое истребило бы содрогательное. Оно принадлежит к числу трогательных чувств, потому что радость о сверхчувственном всегда вместе относится и к нравственным силам. С одной стороны, мы получаем при том сознание нашего бессилия, а с другой — нашей силы, которая превыше всего, что только могут представить чувства.

§ 98. Чтоб совершенно чувствовать высокое, для сего требуется еще высшая степень образованности, нежели для чувствования того, что мы называем изящным. Ибо главная составная часть сего чувства рождается от умственных понятий, коих приобретение и принятие в том участия предполагает высокую степень внутреннего нравственного образования.

§ 99. Следственно, согласие в суждениях о высоком предполагает известное очищение разума, без коего высокое несовершенно или совсем не может быть чувствуемо.

§ 100. Как чувство изящного, так и высокого последует только тогда, когда душа свободна и расположена к игре познавательных сил.

Для того:

1) если изящное либо высокое своим содержанием возбуждает такие восторги или страсти, которые все внимание приковывают к содержанию представлений, то силы не будут заняты играючи и эстетические чувства не восследуют;

2) если в душе находятся такие посторонние представления, которые занимают сознание так, что на них только преимущественно обращено внимание, то не могут также последовать эстетические чувства, происходят ли посторонние представления сами от материи эстетического предмета или от других вещей.

Для того эстетическое суждение требует души свободной, не занятой чуждыми представлениями.

О ВОЗВЫШЕННЫХ ПРЕДМЕТАХ

§ 101. Во-первых, высокий предмет должен быть представлен великим сверх всякого сравнения. Ибо только таковые представления могут возбудить и оживить понятия безусловного, беспредельного.

§ 102. Во-вторых, высокое должно быть просто, дабы сие чувство было не возмущено разнородными чувствованиями. И для того оно не требует никаких прелестей или украшения, подобно изящному.

§ 103. Высокое может быть свободное или ограниченное, как и изящное (§ 45). Первое совсем не предполагает никакого понятия о цели предмета; последнее представляет вместе понятие высоким, которое само должно быть высоким понятием.

§ 104. Великий чувственный предмет, который, правда, чувствами объемлетя как целое, но который посредством представления чрезвычайной величины его возбуждает понятия о силах, превышающих все опытом нам являемое, надобно будет ценить как предмет высокий.

§ 105. Высокое может быть то протяженною (*extensiva*), то непротяженною (*intensiva*), то из обеих составленною величиною. Протяженные величины непосредственно могут представляться чувствам и воображению; непротяженные величины суть силы и являются чувствам только посредством своих действий или посредством наружных мер

§ 106. Все те представления могут быть совместны с высоким, которые имеют такое содержание, что одинаковые или похожие возбуждают чувства, как и чудесное, содрогательное, ужасное и проч.

§ 107. Всякое высокое более находится в понятиях, возбуждаемых в нас представлением чувственно великих и чрезвычайно сильных предметов, нежели в том, что нам чувства представляют.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБ ИЗЯЩНОМ В ПРИРОДЕ

В БЕЗЖИЗНЕННОЙ ПРИРОДЕ

§ 108. И самая безжизненная природа везде усеяна множеством красот, которые все суть красоты свободные (§ 15). Вечное рашение и действие, бесконечно многообразные фигуры органического и неорганического создания представляют прекрасные формы в бесчисленном множестве, увеселяющие чувства и воображение, приводящие в игру умственные силы и таким образом дающие почувствовать надлежащую годность своих форм для гармонической деятельности познавательных сил.

§ 109. И бесконечно многообразные группировки естественных предметов доставляют взору наипрекраснейшие картины.

§ 110. Свет и по всей природе распростертые цвета сообщают естественным красотам собственные и неизгладимые прелести.

§ 111. Хотя все сии красоты чувствуются и без понятия о предметах, однако они все ведут их к той мысли, что природа с намерением устроила для человеческой познавательной способности, и тем оживляют телеологический вид вещей. Чрез то эстетическое чувство, возбуждаемое созерцанием самых безжизненных красот природы, сопрягается с трогательными чувствами, которые роятся от представления благоразумной попечительности о царстве живущих. Сюда еще присоединяются понятия по соображению.

§ 112. Вообще природа нравится преимущественно соприкосновенными представлениями, возбуждаемыми созер-

цанием оной. Сии представления воздвигают все душевные силы и приводят в движение и тем пробуждают чувство духовной жизни в высочайшей степени. Содержание представлений, возбуждающее занимательность, служит к тому одним средством.

§ 113. И потому созерцание прекрасной природы для всякого занимательно, кто только может отрешиться от частей личной своей занимательности и принять участие во всеобщей. Своекорыстные и занятиями общежития задавленные люди редко чувствительны к прекрасной природе.

§ 114. Участие, в прекрасной природе принимаемое, само предполагает нравственное расположение души, то есть такое расположение, которое занимается всеобщими целями.

ОБ ИЗЯЩНОМ В ЖИВОЙ ПРИРОДЕ

§ 115. Живая природа равно представляет бесконечное многообразие прекрасных предметов, которые сопряжены с очаровательнейшими прелестями как цветов и звуков, так в особенности жизни и других качеств, относящихся к человеческим наклонностям.

§ 116. Но живые красоты природы почти все принадлежат к тем, которые называли мы ограниченными красотою (§ 45), ибо их образ должен вместе согласоваться с тем понятием, каковое мы имеем о назначении живых существ, хотя, впрочем, некоторые особенные части в оных представляют множество красот свободных.

§ 117. Тогда как природа выставляет многообразные образы для каждого рода существ, вкус наш довольно находит времени отыскивать такие, которые наилучшим образом исполняют эстетическую цель и из коих соображение составляет образцы изящного для каждого рода живых существ, образцы, служащие руководством к суждению об изящных образах всех прочих. Все, что противоречит такому образу, называется уродливым и дурным.

§ 118. Но наилучший образ красоты в природе есть обличье человека, коль скоро оно прекрасно выражает внутренние душевные качества и назначения человека. Ибо красота всегда, во-первых, делается занимательною (§ 76)

тем, что удобно, или возбуждает умственные и нравственные понятия, или определяет и ясно означает умственное и нравственное. Красота человека особенно возвышается последним обстоятельством.

§ 119. Впрочем, не все человеческие обличья и в прекрасных людях не все части прекрасны. Природа представляет нам изящное в обличьях человеческих и животных только рассеянно по единственным неделимым. Воображение собирает из опыта единственное изящное и мало-помалу слагает из него образ прекраснейшего человека, составляющий его идеал (§ 49), по которому оно судит о единственном изящном в обличьях человеческих.

§ 120. От прекрасного человеческого обличья требуется:

1) чтобы оно не причиняло никаких чувственно неприятных впечатлений;

2) чтобы в величине и частях тела наблюдаема была мера, предписываемая природою из множества случаев (Психология, § 279), мера, чрезвычайно облегчающая и делающая приятным постижение обличья;

3) чтобы обличье выражало жизнь, здравие и в превосходной степени умственные и нравственные дарования, силы; чрез сие одно выражение получает занимательность в человеческом обличье.

§ 121. Но сколь многообразных физических, умственных и нравственных требуем мы совершенств от разных возрастов, полов и состояний, столь многообразны и идеалы. И для того мы составляем различные идеалы для дитяти, юноши, мужа и старца, для женщины, для героя, спокойного мудреца и проч.

§ 122. Природа выставляет красоты каждого рода во всех поясах земли и часто для этого употребляет различные формы. Посему каждый идеал идет за совершеннейший только для того пояса, откуда извлечен, между тем как опытность и навык сообщают вместе вкусу определенное его направление, хотя, впрочем, всегда остается при том нечто всеобщее.

§ 123. Человеческое обличье, выражающее крепость и, однако ж, снисхождение к слабейшим из правил человеколюбия, есть благородное обличье (§ 87).

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ВЫСОКОМ В ПРИРОДЕ

В БЕЗЖИЗНЕННОЙ ПРИРОДЕ

§ 124. В природе оказываются двоякие величины, исполняющие душу чувством высокого, а часто и обе вместе действуют. Одна есть протяженное, необъятное для нашего воображения пространство, наполненное бесконечно великими громадами; другие величины суть физические силы природы в их действиях, возбуждающих изумление, ужас, страх и трепет.

§ 125. В протяженной великости природы чувства объемлют немного, но воображение расширяет представление оной, творя для себя меру, возбуждающую чувственное изумление, и составлением оной меры стараясь образовать величины. Одно только око из всех чувств может представлять протяженный предмет высоким и манить воображение к разрисовке чувственно беспредельных величин.

§ 126. Коль скоро природа является силою, против коей все нам подвластные силы ничтожны, то она является высокою. Око и ухо могут приметить действия таковых сил. Подобный вид возбуждает страх, если мы вообразим случай, в котором сия сила была б устремлена противу нас, и изумление новому, необыкновенному, непостижимому и ведет ум наш к понятиям о виновнике и правителе оных сил, коего величие и могущество представляется, хотя все слабо, в чувственных явлениях и коего вместе мы чрез то чувствуем возвышенность.

§ 127. Но страх, возбуждаемый великим и сильным, не должен быть умышленный (*sérieux*), но мыслимый только для пробы или возбужденный в шутку, ибо в противном случае не действие познавательных сил и игра представлений, но опасность была б чувствуема и чувство высокого не могло б родиться.

§ 128. Представление живого существа, оказывающего силу превыше всех нам известных сил, уже в состоянии возбудить чувство высокого, хотя великость оных сил есть токмо относительная. Понятие чрезвычайно великого и сильного возбуждает уже удивление, изумление и чувство по крайней мере близкое к высокому.

§ 129. Но еще решительнее и сильнее пробуждается чувство высокого, когда оказывается в живом существе сила, превосходящая все естественные силы. Таковая сила есть преимущественно сила, действующая по разумным, особливо по нравственным намерениям.

§ 130. Сие, во-первых, есть нравственная в человеке действующая свобода и, во-вторых, представление нравственных существ вообще, коим подчинена природа, особливо понятие над всем возвышенного бога.

§ 131. Но возвышенность сих понятий можно дать эстетически почувствовать только тем, что чувственно великое употребляется для представления бесконечно над ним возвышенного, тогда как чувственное сравнивается с превыше-чувственным и в сравнении с оным исчезает как ничто.

§ 132. Свобода есть нравственная сила человека, сверхчувственная способность, коей не в состоянии предложить никакой опыт, но которая обнаруживается в борьбе с чувственными препятствиями. Человек, коего добродетель побеждает в сильнейшей борьбе со страстями, поработить его стремящимися, или с судьбою, пагубу ему наносящую, — таковой человек возвышает человеческое сердце и наполняет нас чувством высокого. Чем живее и чувственнее представляется борьба сия и пробуждается сознание внутренней, всякую естественную силу превышающей способности, тем глубже чувство в нас внедряется.

§ 133. Самые естественные силы, будучи в сражении с людьми и представлены бесконечно превосходящими физическую их силу, возбуждают сознание нравственной способности, при всем том оные естественные силы побеждающей, и чрез то оживляют мысль, которая чувствуется еще возвышеннее, нежели великость самой естественной силы.

§ 134. Но созерцание величия и силы природы воплощает также понятие нравственного миротворца, то есть начало, коему подчинено все существующее и перед коим, следственно, все чувственное в сравнении исчезает как ничто.

§ 135. Качество существа, коим оно всем управляет по своей воле, называется величеством. И для того, где величество оказывается, там душа располагается к чувству высокого, и тем более, чем проще оно является.

§ 136. Высокое допускает чистое изящное изложение, но блеск и украшение разрушают действие оно, ибо чрез то удерживается воспарение к безусловному, сверхчувственному, коего сознание составляет главное приближение к чувству высокого.

§ 137. Чувство высокого принадлежит к важным расположениям души и для того более примыкает к мрачным, меланхолическим, нежели к веселым чувствам.

§ 138. К чувству высокого примыкает чувство страшного. Страх (Психология, § 217) возбуждается тем, что грозит вдруг уничтожить наши силы и чему мы никак противиться не в состоянии. И потому страх причиняется: 1) всяким внезапным и против обыкновенного течения вещей вдруг являющимся, особливо 2) если это ознаменовано вместе разрушением для человеческих сил.

§ 139. Следственно, хотя страшное можно употреблять для усиления чувства высокого, но оно от самого высокого весьма различно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКУССТВАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОНЯТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКУССТВ

§ 140. Искусством называется умение излагать предметы по своим понятиям в действительности.

Искусства бывают:

1) по качеству понятия, ими осуществляемого, или механические, или свободные, смотря по тому, работают ли они по определенному предписанию и образцу или по собственным мыслям;

2) по своей цели приятные, полезные и изящные, смотря по тому, имеют ли они целью удовольствие чувств, или пользу, либо эстетические чувства.

§ 141. Изящные искусства могут еще лучше назваться эстетическими, потому что они всё, что только может возбудить эстетические чувства, следственно, и высокое, имеют своим предметом.

§ 142. Таким образом, и эстетические искусства можно назвать умением производить изящные и высокие предметы.

§ 143. Природа имеет многие другие цели при образовании своих форм. Для того в ней является изящное, только как бы нечто случайное, большею частию с примесями, которые природа почитает нужными для своих целей и которые часто вредят красоте. И природа не все исчерпала прекрасные формы.

§ 144. Изящные искусства ограничиваются только изящным и, следственно, все не изящное исключают из своих творений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ХУДОЖНИКЕ И ХУДОЖНИЧЕСКОМ ГЕНИИ

§ 145. К производству прекрасных предметов принадлежит совокупление многих природных дарований, которые, правда, искусством усвершенствуются, но там, где их природа не дала, не могут быть рождены искусством.

§ 146. Художник, желающий представить изящное, во-первых, должен составить себе о том понятие, а потом уметь осуществить оное понятие.

§ 147. Правда, материалы для понятия изящности находятся в природе, богатой примерами. Но частию изящное должно быть отделено от неизящного в природе, частию из прекрасного в природе надобно составить новые красоты, для коих формы не обретаются в природе.

§ 148. Мы примечаем, что умение изобретать новые совершенно изящные формы и действительно изложить их не есть обыкновенный талант, но не многим в удел достался. Природная способность производить искусством совершенные эстетические предметы называется гением, художническим (артистическим) гением (Психология, § 148, 149).

§ 149. Гений творит изящное так, как естественное произведение, то есть он действует подобно природе, и для того есть самостоятельный (*originel*), примерный, ибо его произведения равно сообщают правила судить и подражать изящному, как и самая природа, так что все артисты без гения могут только им последовать.

§ 150. Впрочем, гений как природная только способность не может ничего сделать, и требуется: 1) не только образованной представительной способности для собирания материалов, но и; 2) вкуса, то есть знания правил изящного и упражнения в суждении об оном, чтобы чрез то мог предохраняться от нелепостей.

§ 151. Может статься, что иной в состоянии хорошо судить о существующем уже изящном, следовательно, имеет вкус, но ему недостает самой способности произвести нечто самостоятельное изящное, то есть недостает гения.

§ 152. Вкус есть эстетическая сила суждения, извлекающая свои правила из существующего самостоятельного и истинно изящного; гений есть производительная способность, к которой надобно присоединить вкус, охраняющий его творения против критики вкуса.

§ 153. Гений особенно оказывается самостоятельностью творческого воображения, зиждением чувственных картин, выражающих умственные понятия, для того гений составлен из разума и воображения, однако так, что последнее первенствует и гораздо более производит, нежели разум мыслит, хотя произведение подходит под его понятия.

§ 154. По образцу существующих уже изящных творений излагать другие изящные или произведения приятных и полезных искусств, сколько можно улучшать — есть дело подчиненных артистов. Искусства, старающиеся дать форму, прекрасную и исполненную вкуса, только приятному и полезному, можно было б назвать украшающими искусствами для различия от искусств изящных, которых изящное есть главное дело, а содержание представлений только средство тем совершеннее представить изящное.

§ 155. Занимательное и привлекательное в изящном называется умом; ум состоит в способе, каковым излагается содержание представлений, и особенно отличает творения гения, коего самый талант сообщать своим творениям привлекательную силу называется умом.

§ 156. Следовательно, производительное воображение, разум, ум и вкус должны соединиться, дабы родить совершенное произведение изящного искусства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ПОДРАЖАНИИ ПРИРОДЕ

§ 157. Подражание природе хотели поставить единственным высочайшим началом для всех изящных искусств.

Несправедливость сего положения явствует:

- 1) из того, что не все естественное прекрасно;
- 2) что самое изящное в природе редко бывает чистою красотою;
- 3) что есть много изящных искусственных произведений, не находящих себе образца в природе.

§ 158. Но хотя подражание природе не есть ни единственное, ни высочайшее начало изящных искусств, все, однако ж, справедливо то:

- 1) что произведения изящного искусства должны быть сходны с произведениями природы, рождаясь, подобно сим, без налагаемого и без приметного принуждения, правилами налагаемого. Следственно, хождение оных должно быть естественно или гений должен действовать, подобно естественной силе, и чем более сие случается, тем искусство совершеннее. Если же примечаются правила, по коим артист производил, то творение его называется неуютным и работа трудною; качества, подавляющие эстетическое благорасположение;
- 2) что примечание подражания во многих случаях составляет источник удовольствия, которое хотя не есть само по себе чистое эстетическое, с ним, однако ж, совместно и служит к возвышению его.

§ 159. Но чтобы искусственное подражание природе могло возбудить удовольствие, для сего оно должно:

- 1) объявить себя подражанием, не налегать на обман, но только на обольщение;
- 2) оно не должно представлять ничего возбуждающего неприятные и отвратительные чувствования.

§ 160. Удовольствие, обретаемое в подражании, проистекает:

- 1) из сравнения сходства, с каковым представлены два столь различных произведения;

- 2) из удивления подражающему искусству;
- 3) из того, что мы радуемся, видя то качество чистым представленное, которое усматривали только смешанным с другими;
- 4) из нового и необыкновенного, ибо мы усматриваем качество там, где прежде не привыкли видеть оное;
- 5) из обольщения.

По одной или всем этим причинам удовольствие при созерцании сделанного по подражанию бывает больше, нежели при созерцании самого предмета, если последний не составляет по своей природе и существу источника удовольствия. Но если самый предмет в действительности не нравится, то он может нравиться в подражании, ибо тут нет того, что возбуждает умышленное (*sérieux*) неудовольствие.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ХАРАКТЕРЕ И СЛОГЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

§ 161. Каждое изящное произведение имеет свои свойства. Те свойства, которые определяют главное его впечатление и с коими для того должны согласовать соприкосновенные впечатления, чтоб не повредить ему, называются эстетическим его характером.

§ 162. Следственно, произведение изящных искусств может иметь высокий, благородный, комический характер и проч., но при всем том главная цель их возбудить те или другие чувствования.

§ 163. Отличительное в знаках, выражающих искусственное произведение, называется слогом оно, а отличительная метода артиста в его изложениях — способом (*manière*).

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКУССТВ

§ 164. Эстетическое искусство может частью производить прекрасные вещи, частью прекрасные представления вещей. И для того эстетические искусства могут быть разделены на вещественные и символические. Оба бывают или чистые, или смешанные, смотря по тому, представляют ли они только одно, или другое, или и то и другое вместе; простые или смешанные, смотря по тому, одно ли или многие тут действуют искусства.

§ 165. Поскольку все вещи, представляемые изящными искусствами, суть предметы вне нас, эстетических же чувств только два (§ 21), то вещественные предметы, способные к изящному изложению, суть или предметы взора, или предметы слуха.

§ 166. Вещественное изящное искусство, трудящееся для слуха, есть музыкальное искусство.

§ 167. Вещественные изящные искусства, работающие для взора, суть следующие: 1) изящная архитектура; 2) изящное садоводство; 3) искусство потешных огней; 4) искусство одеяний и мебели.

§ 168. Символические искусства удобнейшим образом могут быть разделены по различию их знаков, и сии суть также или знаки для взора, или для слуха.

§ 169. Символические искусства, употребляющие знаки для взора, суть следующие: 1) ваение; 2) рисование и живопись; 3) мимика и искусство телодвижений.

§ 170. Искусства, употребляющие удобослышимые знаки, суть красноречие и стихотворство, или поэзия.

§ 171. Сложные и смешанные изящные искусства суть следующие:

1) музыкальное искусство, в котором соединяется музыка и искусство телодвижений и мимика;

2) театральное искусство, в котором стекаются все почти изящные искусства, дабы произвести как можно <более> великое впечатление изящного.

§ 172. Многим изящным искусствам помогают другие изящные искусства и соединяются с ними, дабы совершеннее сделать их творения, хотя они существенно к ним и не принадлежат, как-то: архитектуре помогают ваение и живопись; садоводству — архитектура, рисование и живопись и проч.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О ВЕЩЕСТВЕННЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКУССТВАХ

ОБ ИЗЯЩНОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

§ 173. Природа в пении птиц являет нечто изящное; искусство воспользовалось разными звуками, чтобы из них также составить нечто изящное.

§ 174. Тоны нравятся уже чувствам в разных своих качествах и каждый род тонов может возбудить приятность разного рода, если они выражаются чисто и в надлежащей мере.

§ 175. Разные духовные и со струнами орудия* свидетельствуют, сколько приятного изобрело сие искусство; голос человека дает наиприятнейшие звуки.

§ 176. Сомнительно, чувственное ли только или вместе эстетическое благорасположение бывает к простым звукам. Впрочем, кажется, чистота звука уже возбуждает некоторое эстетическое благорасположение, ибо тут примечается единообразие и определенность.

§ 177. Но эстетическое благорасположение к звукам

* То есть инструменты.

становится владычествующим, коль скоро они возвышаются до музыки. От последней требуется: 1) разнообразие в звуках; 2) в современных* звуках — гармония, а в постепенных — такт и ритм; 3) многообразные звуки должны сходиться в одно целое; 4) целое должно выражать определенный характер.

§ 178. К разнообразию звуков принадлежит не столько различная степень крепости и слабости, сколько различная высота и глубина разных звуков, коих постижение предполагает умственную способность или коих перемена по крайней мере доставляет удивительную игру познавательным силам.

§ 179. Современные различные звуки находятся или в таком содержании друг к другу, что познавательная способность легко может их соединить и представить как совокупленный звук, как единство, или в таком содержании, что познавательная способность не может их объять как один тон. Те называются созвучиями (consonances), а сии разнозвучиями (dissonances). Таковое соединение постепенных созвучий и разнозвучий, рождающее некоторое гармоническое целое, называется аккордом.

§ 180. Чтобы постепенные звуки постигнуть легко и твердо, для сего должен быть известный порядок в постепенности оных. Тут должны быть отделения, и постепенный ход звуков должен в этих отделениях следовать одному правилу; постепенный ход звуков по правильным расстановкам называется ритмом, а самые малые расстановки, из которых составлен ритм в музыке, называются тактом.

§ 181. Далее, если многие звуки по законам гармонии и ритма соединяются в одно целое, то происходит мелодия.

§ 182. Сии понятия показывают только основания и механические правила, из коих и по коим должны составляться звуки, дабы вышло нечто изящное. Но так избирать и так связать эти основания, чтобы из того родилось действительно изящное целое, есть дело музыкального гения.

* То есть одновременных — в аккорде.

§ 183. Удовольствие, доставляемое нам музыкой, основывается:

1) на телесных чувствах, причиняемых впечатлениями звуков на наши нервы, из которых некоторые располагают нас к унынию, другие к радости, к таким страстям, которые в умеренной степени всегда приятны (Психология);

2) на игре мыслей, возбуждаемой в нас этими чувствами;

3) на деятельности умственных сил, воздвигаемой сею игрой и отношениями звуков друг к другу, чрез что, собственно говоря, благорасположение к музыке становится эстетическим.

§ 184. Чувствования, или чувства, и тем возбужденные мысли, которые должна пробудить музыка, составляют ее характер (§ 162).

§ 185. Мысли, которые музыка пробуждает одними чувствами, конечно, совсем неопределенны и могут в каждом подлежащем быть различны. Но при всем том, смотря на род, они принадлежат к одному понятию, и если некоторую определенную музыку возбуждается определенный ряд мыслей, то подобная музыка вторично возбуждает те же мысли.

Таким образом, известными звуками легко можно возбудить мысли шествия, пляски и проч., равно как веселое, печальное, торжественное, высокое и проч. имеют собственный музыкальный характер.

§ 186. Но музыка прежде всего становится вразумительнее приложенными словами, или текстом, и тем получает определеннейший характер, возбуждая чувства, согласные с понятиями, в тексте выраженными. Чрез то и игра представлений становится определеннее и эстетическое чувство расширяется. Для того музыкальный гений наисовершеннее оказывается в оперной композиции.

§ 187. Покушались и музыку употреблять за символическое искусство и живописать предметы посредством звуков, стараясь ими возбудить подобные впечатления, какие производят сами предметы, ими намекаемые. Но, кажется, музыка не годится для сей цели.

§ 188. Зодчество имеет целью строить здания, назначенные для какого-либо человеческого употребления. Коль скоро зодчество старается этим зданиям сообщить изящную форму, то оно становится изящным зодчеством.

§ 189. Эстетическое зодчество всегда бывает ограничено понятием предмета. Если цель здания состоит в удовлетворении житейской потребности, которую даже нельзя подвести под эстетическую мысль, то эстетическое зодчество может только быть украшающим (§ 155) искусством.

§ 190. Поскольку цель зданий есть удовлетворение человеческой житейской потребности, то прежде всего требуется, чтобы в них не было ничего сей цели противоречащего и несогласного. Итак, мы судим об них, во-первых, по понятию пользы, и все, нарушающее мысль сию, производит неприятное чувство. И для того мы требуем, чтобы все главные части здания к чему-либо служили и расположены были сообразно с целью, для которой должны служить.

§ 191. Итак, эстетическое искусство при строении зданий может только украшать изложение полезного. Разум особенно требует, чтобы целое и все особенные части оного были тверды и сообразны с целью. Линии, совместные только с понятием твердости в здании, суть прямые, а из кривых круговая. Ибо только то представляется созерцанию нашему твердым, что единообразно протягивается и единообразно связуется.

Но понятие сообразности с целью требует еще правильности, так чтобы в целом и в каждой части наблюдаемо было одно и то же правило, по коему начато целое или часть.

§ 192. Итак, красота здания не может состоять в чем-либо ином, как в том, что помогает воображению постигать фигуру целого и особенных частей и яснейшим образом выражает понятие цели, для коей назначено здание.

§ 193. К удобному постижению столь великого целого особливо служит симметрия или равномерность, то есть наблюдение одинаковых содержаний во всех частях частей